

КОНСУЛЬСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ИСТОРИИ АРМЕНИИ*

Ю. Г. БАРСЕГОВ (Москва)

Пределы судебной юрисдикции самоуправлявшихся иностранных общин в Армении ограничивались местным правом. Изъятия, отмечавшиеся и раньше, мотивировались интересами развития международной торговли и допускались только в договорном порядке и, очевидно, только на основе взаимности. Поэтому договоры-хрисовулы содержали определение судебной юрисдикции самоуправлявшихся общин: указывали пределы применения национального права конкретной общины и подтверждали согласие на то, чтобы эту юрисдикцию осуществляли консулы соответствующих государств³². Однако, в отличие от других стран Востока, в Армении судебная юрисдикция консулов признавалась только по ограниченному кругу гражданских и коммерческих тяжб и только в отношениях между иностранцами одной из тех национальных групп, которые по межгосударственной договоренности получили самоуправление и учредили свое консульство. Идя в интересах развития международной торговли на признание ограниченного права консульской юрисдикции в отношении гражданских тяжб между членами определенных общин, армянское государство отказывалось распространять консульскую юрисдикцию на гражданские дела со смешанным элементом и на все уголовные дела.

Изъятие гражданских дел из-под местной юрисдикции не распространялось на тяжбы с подданными царя: дела армян, даже если то были споры с генуэзцами, венецианцами или лицами других пользовавшихся консульской юрисдикцией национальностей, не передавались на суд чужестранцам. Они были подсудны высшему суду армянского царя³³. Если в качестве одной из сторон в деле участвовали иностранцы другой группы, такие споры со смешанным элементом разбирались в консульском суде, если ответчиком было лицо его национальности—венецианец или генуэзец, и в царском суде, если венецианец или генуэзец были истцом. В этот же высший суд царя передавались и все другие дела по спорам между теми иностранцами, которые не пользовались консульской юрисдикцией.

Существенной особенностью армянской практики было и то, что царскому суду были подсудны все уголовные дела—не только со смешанным составом сторон, но и те дела, которые касались только генуэзцев или только венецианцев. Из категории дел, подсудных консулам на том основании, что сторонами были лица их национальности, исключались дела о воровстве и убийствах. Регулируя порядок разрешения уго-

* Окончание. Начало см.: «Историко-филологический журнал», 1982, № 4, с. 69—79.

³² Так, в хрисовуле Левона III, дарованной в январе 1271 г. венецианцам, предписывалось: „E se entre deus Venetiens ou plusors sera contens en nostre terre, le bail de Venetiens chi sera en Ermenie faze la raison“ (V. Lançlois, *Le trésor des chartes d'Arménie...*, pp. 151—153).

³³ „E se contens sera entre Venetiens et Hermins ou home d'autre nation, chi ne soient Venetiens, ... la raison de ce en (la) nostre roial aute cort se faze“ (ibid.).

ловных дел, хрисовулы прямо предусматривали, что в случае уголовного преступления, например воровства или убийства, совершенного геноуэцем или венецианцем, компетенция судить преступника сохранялась за судом царя, даже если жертвой преступления геноуэца был геноуэец, а жертвой венецианца—другой венецианец³⁴. Кодекс Мхитара Гоша прямо говорит, что все случаи убийства или кровопролития относятся к царскому правосудию³⁵, т. е. полностью исключаются из консульской юрисдикции.

В этом практика армянского государства отличалась от начавшей распространяться практики восточных государств в отношении христианских держав Западной Европы. Если принцип личного права и признавался в Армении в более широких размерах, то только в отношении мусульманских государств и только на началах взаимности.

Важная сторона деятельности консулов была связана с ролью, которую стали играть морская торговля и мореходство в развитии международного торгового обмена. Исторически на консулов возлагалась задача всемерно облегчать ведение морской торговли и содействовать развитию отечественного мореплавания. Именно поэтому иностранные консульства в Армении и соответствующие армянские учреждения за рубежом обосновывались, как правило, в портовых городах—центрах морской торговли. В частности, резиденции консулов Венецианской и Геноуэзской республик в Армении находились в Айясе—главном портовом городе страны. Их консульская деятельность распространялась и на другие армянские порты, двадцать пять названий которых приведены в «Секретной книге крестоносцев» Марино Сануто.

Консулы должны были выступать в роли опекунов и защитников своих купцов и моряков с момента прибытия в порт и даже раньше—со вступления в прилежащие воды. Не случайно поэтому первые же международные договоры, которыми учреждались в Армении иностранные консульства, содержали положения об отказе армянских царей от права из кораблекрушений, или берегового права³⁶. В соответствии с условиями отказа от этого права консулы должны были осуществлять все необходимые действия по охране имущества соотечественников, потерпевших кораблекрушение. И в этом армянская практика отличалась от практики многих других государств.

Консулы оказывали содействие капитанам и судовладельцам прибывавших в армянские порты судов в их сношениях с местными властями по самым различным вопросам: от содействия закупкам провианта до облегчения скорого и беспрепятственного сообщения с берегом. В связи с предоставлением купцам определенных национальностей больших льгот и привилегий возникала необходимость проверки национальности прибывшего иностранного купца и его груза и наблюдения за тем, чтобы под видом продуктов страны наибольшего благоприятствования не завозились и не продавались товары иного происхождения. По существовавшему порядку, прибыв в Айасский порт, иностранные купцы должны были получить от начальника учрежденной в Тарсе таможни (*capitaneus pasidoni*) специальный таможенный билет на пропуск

³⁴ „Ensement, se entre les Venetiens, que les deus parties soient Venetiens, se faze murtre, ou sanc, ou larecin, la raison de ce en la nostre roial aute cort se faze“ (ibid.).

³⁵ М х и т а р Г о ш. Судебник. Ереван, 1954. Ч. II, с. 1.

³⁶ Подробнее об этом см.: Ю. Г. Барсегов. Отказ армян от «берегового права».—Историко-филологический журнал, 1971, № 1, с. 95—110.

товаров, который по возвращении представляли минапану³⁷—начальнику, или капитану, порта. После этого им разрешалось свободное сообщение с берегом и свободное ведение торговли в пределах государства.

По прибытии иностранного корабля в армянский порт соответствующие консулы принимали корабль под свою юрисдикцию, проверяли судовые документы, а в случае необходимости, когда национальность купца требовала подтверждения или засвидетельствования, подтверждали национальность купца и удостоверяли происхождение его груза. Эта обязанность консула была сформулирована в хрисовуле Левона III генуэзцам от 23 декабря 1288 г. следующим образом: «Если случится, что генуэзский купец не будет признан генуэзцем или сыном генуэзца, консул и его приюдомы (*աղբկ յարդիւարն*) проверят, является ли он действительно генуэзцем или сыном генуэзца. После этого консул посылает своего пристава со своим жезлом в таможенную, должностные лица которой могут разрешить проезд, сообщив нашему дивану имя консула и свидетелей». Такая процедура мотивировалась стремлением избежать задержки, связанной с необходимостью поездки в таможенную Тарса за письменным разрешением на свободное сообщение с берегом³⁸.

В связи с огромным по тем временам объемом совершавшихся в Армении операций и сделок международного характера большое значение приобретала нотариальная деятельность консулов. Составление нотариальных актов широко применялось иностранными консулами в самой Армении и армянами за рубежом. Иностранные консулы в Армении выполняли различные нотариальные действия по засвидетельствованию и регистрации различных сделок и договоров, удостоверению по просьбе заинтересованных лиц всякого рода бесспорных обстоятельств. Акты между согражданами консула и иностранцами или между одними иностранцами относительно имущественных сделок, а также всякие другие нотариальные акты, совершавшиеся для придания им законной нотариальной силы за границей, засвидетельствовались консулами той страны, в которой хотели придать им законную силу. О масштабах и характере нотариальной деятельности иностранных консульств в Армении дают представление сохранившиеся документы, в частности опубликованные Десимони тексты около 180 нотариальных актов, совершенных в одном лишь Айасе за два года, а именно—в 1274 г. и 1279 г., генуэзскими нотариусами, считавшимися тогда лучшими в мире³⁹.

Широк и разнообразен был и круг международных частно-правовых соглашений, заключавшихся в Армении в связи с морскими транспортными операциями. Сохранились разного рода фрахтовые соглашения, соглашения об аренде судов, договоры морского займа⁴⁰, коммандитные товарищества или товарищества на вере, когда предприниматели совершали торговые поездки с капиталом других лиц, не принимавших непосредственного участия в деле, и др.

Стремясь к созданию максимально благоприятных условий для развития международной торговли, цари Киликийской Армении поощряли применение самых различных форм деловых операций, включая

³⁷ Минапан—от арабского *мин*, порт и армянского *пан*, начальник.

³⁸ Recueil des historiens des croisades..., p. 750 (арм. текст), p. 752 (лат. текст).

³⁹ Actes passés en 1271, 1274 et 1279..., pp. 434—534.

⁴⁰ См., например, нотариальный акт, совершенный в Айасе 27 февраля 1274 г.: *ibidem*, № 80 (p. 450—451).

международные займы и кредитные операции, обеспечивавшиеся армянским государством. Гарантируя выплату займов и кредитов, государство стремилось предотвратить заключение сделок с недобросовестными или некредитоспособными партнерами. С этой целью в хартиях армянских царей предусматривалась специальная ответственность консулов соответствующих государств. В частности, устанавливая порядок предоставления займов и кредита венецианцам, хрисовула Левона IV от 20 мая 1307 г. предусматривала, что до заключения договоров о займе или кредите подданным армянского царя и иностранцам надлежит обратиться к венецианскому байлю за получением соответствующей рекомендации. Только после получения от консула подтверждения в том, что венецианец, получающий заем или кредит, известен ему и пользуется доброй славой, а также ясно выраженной положительной рекомендацией («Pgunlés li») сделка заключалась и регистрировалась царским должностным лицом (chevilaine), а документ с рекомендацией консула («chartre») отправлялся в государственный архив⁴¹. Эта формальность была связана с тем, что в случае необходимости армянское государство возмещало кредиторам непогашенные долги, а потом предъявляло встречное требование соответствующей иностранной общине, которая несла солидарную ответственность.

Предоставляя иностранным общинам широкие права самоуправления с судебной юрисдикцией по гражданским и торговым тяжбам, разрешая торговлю в кредит и доверяя самим общинам определять национальную принадлежность своих купцов и грузов, ввозимых ими на льготных условиях, армянское государство стремилось обезопасить себя от злоупотреблений объявлением солидарной ответственности членов самоуправлявшихся общин. В случае совершения контрабанды судами и купцами определенной национальности оно могло наказать всю общину лишением права ведения свободной торговли. Так, хрисовула, выданная 20 мая 1307 г. Левоном IV, прямо предусматривала, что «если венецианец причинит какой-либо ущерб лицу, проживающему на нашей земле, или иностранцу, община должна возместить причиненный ущерб за исключением случаев, когда ущерб причинен лицами, не проживающими в Венеции или месте, на которое распространяется власть Венеции»⁴². В привилегии, данной Левоном V сицилийцам 24 ноября 1331 г., также предусматривалось, что в случае нанесения ущерба «народу или нашей короне» суд мог потребовать от сицилийцев возмещения ущерба или присылки виновника. Если по истечении года потерпевший не получит удовлетворения, «все сицилийцы, пребывающие в стране, будут принуждены к возмещению ущерба, причиненного их соотечественниками нашим подданным, и эта сумма будет внесена в наш Высокий суд»⁴³.

Появлению консульских учреждений с самого начала сопутствовала обязанность консулов защищать наследственные права своих соотечественников в стране пребывания. Согласно обычаю, широко распространенному во многих странах, имущество иностранца всегда и везде поступало не наследнику, а суверену страны, в которой открылось наследство. Иностранцам даже не предоставлялось право составлять завещания. В Западной Европе, например, такие порядки сохранялись на протяжении многих веков, и в XVII в. Гуго Гроций объяснял это правило тем, что оно шло «от того времени, когда иностранцы считались наравне

⁴¹ L. Alishan. L'Arménie-Venète..., № 8 (p. 18—21).

⁴² V. Langlois. Le trésor des chartes d'Arménie..., p. 168.

⁴³ Ibidem, p. 188—189.

с врагами»⁴⁴. Лишь постепенно, с целью обеспечить интересы купцов, ведших торговлю в других государствах, и таким образом поощрить развитие международной торговли, некоторые государства стали отказываться от этого многовекового обычая и договариваться о взаимной выдаче наследственного имущества. При наличии соглашений о взаимной выдаче наследств между назначившим и принявшим консула государствами на консулов стали возлагать обязанности по охране и распоряжению наследствами, открывавшимися после смерти соотечественников, которые вели торговые, финансовые и иные операции в стране пребывания.

Нам известно о существовании соглашений о взаимной выдаче наследственного имущества между Киликийской Арменией и ее торговыми партнерами—Венецианской и Генуэзской республиками, а также с Египетским султанатом. В армяно-египетском договоре, заключенном в 1285 г. Левонем III и султаном Келавуном, стороны в общей форме обязывались «рачительно сохранять» и передавать представителям другой стороны имущество ее умерших купцов с тем, чтобы она распорядилась им в соответствии со своими законами⁴⁵. Хрисовулы, предоставленные Левонем III (23 декабря 1288 г.) генуэзцам и Хетумом I (1245 г.), Левонем III (январь 1271 г.), Левонем IV (20 мая 1307 г.), венецианцам, гарантировали передачу их имущества законным наследникам или дестинатарам по их выбору, оформленному в завещательном распоряжении в пользу лиц как своей, так и другой национальности.

Хрисовула Левона III от 23 декабря 1288 г. предусматривала, что в случае смерти генуэзца в Армении без оставления завещания (*սնտիս-իմիս, ab intestat, sine testamento*) должностные лица армянского царя не могли брать оставленное имущество в царскую казну: «община (*գուհիս*) возьмет и распорядится им в соответствии с их правом». Исключение составляла только та часть оставленного иностранцем имущества, которая была получена им по правам жены-армянки либо в качестве пожалования или дара армянского царя. При отсутствии завещания или законных наследников эта часть имущества подлежала «возвращению» в царский домен⁴⁶.

Хрисовулы, предоставленные венецианцам, также исходили из того, что в случае смерти венецианца без оставления завещания имущество его должно было передаваться венецианской общине. Только когда на месте не оказывалось венецианцев и наследники не были известны, армянское государство брало оставленное имущество «на хранение» до получения скрепленного печатью письма от «дука» (дожа) Венеции или от генерального консула—байля венецианцев, резиденция которого находилась сперва в Акре, а после 1271 г. в Армении⁴⁷. Вопрос о наследстве решался «в соответствии с распоряжением, содержащимся в письме дожа или байля». Все это ставило консулов перед необходимостью наблюдать за сохранностью открывавшихся наследств, принимать имущество, секвестрированное судом канцлера государства—архиепископа Сисского, и передавать его по принадлежности своему соотечественнику, а в случае отсутствия законных наследников—свое-

⁴⁴ Гуго Гроций. О праве войны и мира. Кн. II, гл. VI, XIV, 2.

⁴⁵ V. Langlois. Le trésor des chartes d'Arménie..., pp. 226—227.

⁴⁶ Ibidem, pp. 157—158; Recueil des historiens des croisades..., p. 754 (арм. текст на с. 750).

⁴⁷ V. Langlois. Le trésor des chartes d'Arménie..., p. 111, 143.

му государству. На консулов, таким образом, была возложена охрана интересов не только сограждан, но и государственного фиска.

Помимо функций по защите и содействию торгово-экономическим интересам своих граждан на территории армянского государства, важной стороной деятельности консулов было поощрение отечественной торговли и мореплавания, т. е. защита «общенациональных» интересов посланной их государства. Уже сама защита экономических интересов посланной страны в сфере торговли и мореплавания представляла собой политическую деятельность. На консулов возлагалась также обязанность заботиться о чисто политических интересах назначившей их страны. В условиях отсутствия постоянных дипломатических представительств на консулов, как на правительственных агентов, возлагались и некоторые дипломатические функции. Консулы, которые в отличие от послов той эпохи подолгу находились на одном месте, лучше знали жизнь страны и могли оперативно реагировать на появление тех или иных политических вопросов.

До учреждения генеральных консульств Генуи и Венеции в Армении политические функции по представительству брали на себя генеральные консулы этих стран в Акре и Тире. Подчинявшиеся им венецианские байло и генуэзские виконты, аккредитованные непосредственно в стране, должны были ограничиваться чисто консульскими функциями предводителей и судей соответствующих общин. Изучение деятельности венецианских байоло и генуэзских консулов-викариев, назначавшихся прямо в Армению, показывает, что помимо функций по защите торгово-экономических интересов своих граждан и своего государства они выполняли важные дипломатические поручения своих государств, осуществляя по существу функции постоянных дипломатических представителей при армянском царе. В отличие от современных консулов, они обладали полномочиями, если это не исключалось инструкциями, вести с правительством страны пребывания дипломатические переговоры о продлении или возобновлении существовавших и заключении новых торгово-экономических соглашений. Они занимались урегулированием конфликтов и решали другие политические вопросы взаимоотношений двух государств. В такой двойной роли посла и консула Генуи в Армении мы находим, например, адмирала Бенедетто Заккариа в 1288 г.

С многообразием обязанностей и большим объемом работы консулов связано и комплектование состава консульских учреждений. Иностранцы консулы в Армении имели целый штат советников и помощников. Ввиду большой ответственности, разнообразия функций и большого объема работы при консулах создавался консультативный орган из наиболее опытных и уважаемых людей своей общины. Так, в состав совета при венецианском консуле входило 12 человек. При принятии ответственных решений консулы обращались к своим советникам, которые, как уже указывалось, именовались „prud'hommes“, „boni homines“, „boni viri, probi viri“. Армянские тексты соответственно говорят об «հր աղէկ մարդկաւրն»⁴⁸. Они были призваны принимать участие в советах консула и представлять при нем членов общины. В осуществлении судебных функций консулам помогали судьи низшего

⁴⁸ См., например, хрисовулу Левона III генуэзцам 1288 г.

ранга. В состав консульств входили судебные исполнители и приставы⁴⁹. Ведение текущих дел и переписку консул поручал своим помощникам, лицам-делопроизводителям и переводчикам (*chancelier, scriba*)⁵⁰. Важное место в штате консульских представителей в Армении занимали нотариусы (*notarii*), которые регистрировали юридические факты, оформляли сделки, производили все необходимые нотариальные действия.

Отмеченные закономерности и особенности развития консульских институтов относятся не только к практике деятельности иностранных консульств в Армении, но и к практике ранних армянских консульских учреждений за рубежом. Армянское государство, не ограничиваясь созданием благоприятных условий для иностранной торговли и мореходства в самой Армении, поощряло развитие армянской торговли и мореходства в других странах мира. Предоставляя иностранцам льготы и привилегии, устанавливая для них режим самоуправления и содействуя созданию у себя первых в истории международных отношений консульских представительств различных государств, армянские государи добивались таких же условий для армянских купцов и мореплавателей в этих странах.

Поскольку хрисовулы армянских царей, определявшие положение иностранцев в стране, устанавливавшие основы их самоуправления, излагавшие функции и права иностранных консулов в Армении и отграничивавшие консульскую юрисдикцию от юрисдикции территориальной власти принимавшего государства, представляли собой специфическую форму международных соглашений и выдавались на основе взаимности, можно предположить существование параллельных односторонних актов пожалования правителей соответствующих государств, которыми определялись аналогичные права и привилегии армян в этих государствах.

Если в отношении иностранных консульских институтов в Армении восстанавливается более или менее полная картина, то относительно истории зарождения армянских консульских институтов за рубежом возникают дополнительные трудности. Дело в том, что акты армянских царей, на основе которых создавались консульства Венецианской и Генуэзской республик, Арагонского и Сицилийского королевств и других государств в Армении, хранились в государственных архивах этих государств и благодаря этому сохранились до наших дней, акты же этих и других государств, на основе которых создавались там армянские консульские учреждения, находились в государственных архивах Армении, а они до нас не дошли. О зарождении и функционировании армянских консульских учреждений за рубежом можно судить по отдельным сохранившимся документам иностранных архивов, по многочисленным, хо-

⁴⁹ Так, например, в хартии 15 марта 1215 г. упоминается „*Cagnolus, executor communitatis Janue*“. В одной нотариально заверенной квитанции, выданной в годы правления Хетума II, упоминается Жан Гема в качестве „*bastonarius Communitatis Venetici*“ (V. Langlois. *Le trésor des chartes d'Arménie...*, p. 20). Как видно из хартии 1288 г., данной генуэзцам Леоном III, их консулу был придан судебный исполнитель, именуемый *bastonarius* и *pincius*. В нотариальных актах встречается также должностное лицо генуэзского консульства, которого именуют *placarius*. Помимо исполнительских функций он занимался распродажей с аукциона (*ibidem*, pp. 19—20; V. Langlois. *Essai historique et critique...*, p. 11; *Actes passés en 1271, 1274 et 1279...*, pp. 470, 497, 503 et s., 509, 513, 515, 524, 529, 531 et s.).

⁵⁰ Например: „*Guillelmus de Varagino scriba communis Janue*“ из хартии, пожалованной 15 марта 1215 г.

тя и разрозненным, данным различных армянских первоисточников — мелких хроник, памятных записей и др., а также путем ретроспектирования позднейших армянских институтов самоуправления, создававшихся по образу и подобию консульских учреждений Киликийского армянского государства. Некоторую вспомогательную роль в восстановлении истории армянских консульских учреждений может играть проведение аналогий с современными им иностранными консульствами в самой Армении.

Широкие и устойчивые торговые связи с другими странами, частые поездки за пределы Армении и образование там замкнутых армянских общин обуславливали переход к новым формам развития армянских консульских учреждений за рубежом. Поэтому установление наличия армянских консульских учреждений начинается с установления наличия за рубежом армянских самоуправлявшихся колоний и их правовых институтов. Путем синтеза многочисленных данных самых разных источников восстанавливается история создания в XI—XIII вв. разветвленной сети армянских самоуправляющихся общин в важнейших портовых городах и торговых центрах Средиземного и Черного морей, а также других районах мира — в Риме, Генуе, Венеции, Пизе, Анконе, Неаполе, Мессине, Чивита-Веккии, Апулии, Бари, Равенне, Салерно, Марселе, Барселоне, Родосе, Фамагусте, Никозии, Антиохии, Птолемаиде, Тире, Сидоне, Цезарее Палестинской, Константинополе, Кафе, Александрии, Каире, Брюгге и многих других⁵¹.

Здесь армяне составляли замкнутые национальные группы, располагая, как и иностранцы в Армении, своими магазинами, рынками, складскими помещениями, гостиницами, приютами, церквями, школами, библиотеками, дворцами и палатами. Их поселения составляли отдельные армянские улицы, кварталы, селтльменты и даже целые поселки и города (квартал *Ruga Armenorum* и приют — *in hospital* в Иерусалиме⁵², *Calle degli Armeni* и остров св. Лазаря в Венеции, *Rue d'Arménie* в Марселе и т. д. и т. п.). Армянские поселения нередко были обнесены крепостными стенами и сторожевыми башнями.

Территориальная обособленность иностранцев в Армении была одной из предпосылок и в то же время — проявлений режима самоуправления и формирования армянских консульских учреждений за рубежом. В ряде таких центров Средиземноморья сохранились явные следы существования там атрибутов армянских консульских учреждений. Так, в Риме, Пизе, Перудже, Анконе⁵³ и др. в XIII в. и позже зафик-

⁵¹ В частности, армяне в портовом городе Южной Италии — Бари часто упоминаются уже в хартиях XI в. См.: *Codice diplomatico barese*. Т. I (*Pergamene del duomo di Bari*). Trani, 1896, n° 9; Т. II (р. di S. Nicola di Bari). Trani, 1901, n° 4, 9, 11. См. также: Ga y. *L'Italie Méridionale et l'empire byzantin*, p. 181—183, 591. Об армянах в Анконе см.: *Regest. Bened. XI* (ed. Grandjean), p. 572, n° 958 f. Большая армянская колония в Цезарее Палестинской, существовавшая уже в середине XII в., упоминается в Иерусалимских ассизах (*Beugnot. Les Assises de Jérusalem*. II, 511, 523). Об армянах Антиохии см.: L. Alishan. *Léon le Magnifique, premier roi de Sissouan ou de l'Arméno-Cilicie*. Venise, 1888, p. 198—199, n. 1.

⁵² Приют датируется серединой XII в., а *Ruga Armenorum* упоминается в архивных документах 1222 г. (*Böhmer*, II, 142). См. также: L. Alishan. *Sissouan ou l'Arméno-Cilicie...*, p. 482.

⁵³ Сообщение о регулярных связях римских пап с «Домом армян» в Анконе в XIII в. см.: *Regest. Bened. XI* (ed. Grandjean), p. 572, n° 953 l. Об армянских источ-

сировано существование так называемых «Армянских домов», или «Домов армян» (*Հայրդ տնիկ, Հայ-տնիկ*)—армянского эквивалента иностранных институтов в Армении: резиденции венецианского консула и его суда (*Domus Communis Veneciarum*), резиденции генуэзского консула и его суда (*Logia Ianiensium, ubi regitur curia consulatus*), резиденции пизанского консула и его суда, резиденции консула Пьяченцы (*Logia Placentinorum*) и др.

Прослеживается также хронологическая связь между возникновением таких учреждений в Армении и за рубежом. Известно, например, что венецианцы получили свой *Domus Communis Veneciarum* в Айаце от Хетума I в 1261 г. и церковь св. Марка от Левона III в 1271 г., т. е. после того как 5 июня 1253 г. племянник дожа Венеции Марко Циани (по другим данным—сам дож Себастиано Циани, который ранее проживал в Армении) дал армянским купцам право обзаводиться своими жилищами и открыть Дом армян—учреждение, известное в самой Венеции как „Casa degli Armeni“, „Domus in qua manent Armeni“ или „Domus Armeniorum“⁵⁴.

То обстоятельство, что торговые колонии армян в других государствах пользовались таким же правовым режимом, имели такие же селтлменты и учреждения в важнейших портовых городах и торговых центрах, как и купцы этих национальностей в Армении, подтверждает лишь, что соответствующие права и привилегии иностранцам в Армении предоставлялись ее царями на основе взаимности. Очевидно, существовала прямая и непосредственная связь между предоставлением армянским общинам в этих государствах прав на недвижимость, на открытие своих национальных центров—«Армянских домов», и предоставлением аналогичных прав венецианцам, генуэзцам и другим иностранцам в Армении.

Предоставление иностранцам прав и прерогатив самоуправления в Армении, включая допущение иностранных консулов с их юрисдикцией, путем односторонних актов пожалования не только не исключало взаимности, но было даже ее предпосылкой. Армянские купцы и купеческие общины в этих государствах пользовались такими же правами и привилегиями, их самоуправление строилось на таких же правовых и организационных основах, какие были предоставлены иностранцам в Армении. Все это предполагает, что армяне за рубежом имели свои консульские учреждения, статус которых был аналогичен статусу первых консульств этих государств в Армении. И действительно, несмотря на гибель государственных архивов Армении, сохранились отдельные прямые указания на существование в эту эпоху армянских консульств в других государствах. Так, например, в Птолемаиде служившей торговым центром Иерусалимского королевства, существовала армянская община со своим консулом—*Bailli* по имени Гискап (1248 г.)⁵⁵. Достоверно известно так-

никах, упоминающих „Дома армян“ и другие заведения в Риме, Пизе, Флоренции, см.: Frédéric Macler. Notice de manuscrits arméniens vus dans quelques bibliothèques de l'Europe Centrale.—*Journal Asiatique*. Onzième série. T. II, № 2 (Septembre—Octobre 1913), pp. 229—284; L. Alishan. Léon le Magnifique..., p. 353.

⁵⁴ Conde Capello. Les Consulats et les Bailages de la République de Venise.—*Revue de droit international et de législation comparée*, 1897, t. XXIX, p. 180—181; *Հայ-Վեհեր*, էջ 23, 143—148, 157, 192, 384—386, 390, 481—494.

⁵⁵ L. Alishan. Léon le Magnifique..., p. 198, n. 1; p. 200.

же, что армяне в Константинополе были поставлены под защиту и юрисдикцию венецианского байля. Многочисленные императорские эдикты провозглашали, что армянская нация, в силу религиозно-догматических расхождений, не может пользоваться «преимуществами» имперской юрисдикции; за покровительство и услуги венецианских консулов армяне должны были выплачивать им значительные суммы и, кроме того, преподносить по праздникам подарки⁵⁶.

Сам по себе факт совмещения в одном лице обязанностей консула венецианцев и армян не противоречил довольно распространенной в больших торговых портах практике назначения по совместительству одного и того же консула несколькими нациями. Отмеченный случай совместительства интересен тем, что армянские купцы в Константинополе были поставлены под покровительство консула наиболее благоприятствуемой страны—Венецианской республики, а это было возможно только если византийские императоры признавали такой режим и за армянами.

Есть основания полагать, что осуществление консульских функций в зарубежных армянских общинах было связано с арачнордаранами, резиденцией предводителей—*арачнордов* (*աբախորդ*). Это армянское наименование старейшины общины впоследствии утратило прежнее значение ввиду того, что в этой роли стали выступать духовные лица. Известны, например, арачнорды Григорий, Нерсес Шнорали и другие, ведавшие в XI в. и духовными, и светскими делами армян в Египте. Их резиденция находилась в Каире. Они применяли не только каноническое, но и светское право—кодексы Смбага или Мхитара Гоша.

Подобно тому как иностранные консульские учреждения в Армении были созданы на основе предшествующего развития права иностранцев, армянские консульские учреждения за рубежом восприняли предыдущий опыт организации армянских купеческих общин в иностранных государствах. При этом, если наиболее ранним формам развития консульских учреждений в Армении, как, впрочем, и в других странах, соответствовала практика избрания консулов из среды самой купеческой общины на основе соглашения общины с местной властью (так называемые *consules electi*), то более поздней практике использования консулов в качестве представителей Киликийского армянского государства должно было соответствовать назначение правительством. Сравнительный анализ деятельности иностранных консулов в Армении и армянских консулов за рубежом раскрывает аналогию в осуществлении не только их административных и судебных функций, но и политических: выполняя важные дипломатические поручения своих стран, они представляли собой одновременно и консула, и постоянно аккредитованного посла.

Наши представления об организации и функционировании консульских учреждений армянского государства за рубежом могут быть значительно пополнены путем сравнения их с правовыми и организационными основами самоуправлявшихся армянских колоний периода, последовавшего за падением Киликийского армянского царства. Такое сравнение правомерно, поскольку организационные и правовые основы самоуправлявшихся колоний сложились под непосредственным воздействием консульских учреждений армянского государства за рубежом. Практика учреждения и функционирования консульских учреждений Киликийской Армении сыграла огромную роль в организации множест-

⁵⁶ Codex baui Constantini: Conde Capello. Op. cit., p. 178.

ва армянских колоний, раскинувшихся по всему миру—от Исландии на западе до Китая и Индонезии на востоке.

После того как армянская государственность была разрушена чужеземными захватчиками, армянское купечество, лишенное поддержки национального государства, сумело организовать охватывавшую весь мир сеть самоуправлявшихся купеческих общин, приспособив консульские учреждения к своим нуждам в новых исторических условиях и благодаря этому отстояло свое положение и роль в мировой торговле между Востоком и Западом. Как и в период существования армянского государства и государственного покровительства зарубежных армян, эти национальные группы жили замкнутыми самоуправляющимися общинами, организованными, как правило, на территориальной основе: свои улицы, кварталы, поселения, бурги и пр., нередко обнесенные крепостными стенами. Армянские общины располагали собственными рынками, складскими помещениями, рейдами, судостроительными и судоремонтными верфями. Нередко они содержали собственные вооруженные силы для охраны караванов, пересекавших континенты из конца в конец. Были вооружены и купеческие корабли—для защиты от пиратов и европейских колонизаторов. В ряде случаев армянские общины сохраняли даже право пользования национальным флагом. По емкому определению, данному современником одной из таких самоуправлявшихся армянских общин, это были «маленькие республики»⁵⁷.

Так же, как при консулах, атрибуты армянского самоуправления включали собственную судебную и административную систему, во многом схожую с консульской юрисдикцией. Однако падение армянской государственности внесло отклонения в развитие консульских учреждений. Консулы как представители армянского государства прекратили существование, но традиция использования купеческих выборных консулов была восстановлена и продолжена: выборы предводителей-судей, иногда с последующим утверждением местными правителями, стали единственным способом, практиковавшимся на протяжении веков купеческими общинами и колониями армян, раскинувшимися по всему миру. Сутью этой организации было сохранение самоуправления с правом следовать своим собственным законам путем выборов старшин, предводителей и судей, правомочных решать спорные дела. Предводители армянских купеческих общин выполняли все функции консулов, их судебная юрисдикция была адекватна консульской юрисдикции.

Существенная разница состояла в том, что они не были представителями одного государства в другом, а выступали только в качестве представителей и защитников своих соотечественников перед местными властями. Соответственно, правовая основа этой своеобразной организации по существу своему отличалась от правовой основы деятельности консульств как разновидности представительства государства, хотя внешне, по форме, сходство сохранялось. Как и раньше, соответствующие права и привилегии оформлялись односторонним актом пожалования, но предоставлялись уже не на основе взаимности, не в результате межгосударственных соглашений. Теперь основой самоуправления служили непосредственные соглашения армянских купеческих корпораций с местными властями—польскими королями, персидскими шахиншахами, великими моголами Индии и др. В подтверждение своих

⁵⁷ Gabriel de Chinon. Relations nouvelles du Levant; ou Traité de la religion, du gouvernement, et des coutumes des Perses, des Arméniens et des Gaures..., 1671, p. 254.

прав и привилегий армянские общины могли ссылаться только на «приобретенные права» и во многом зависели от «доброй воли» своих «высоких покровителей».

Правители различных стран Востока и Запада, стремясь создать благоприятные условия для привлечения в страну армянского купечества и ремесленников, обычно с готовностью предоставляли им широкие права и привилегии, нередко—наиболее благоприятствуемых иностранцев (шах Аббас в Персии, царь Алексей Михайлович в России, Кольбер и Ришелье во Франции и др.). Политической подоплекой предоставления армянам такого рода прав и привилегий были заинтересованность в их военных услугах, желание развить с их помощью торговлю и ремесла и, наконец, финансовые интересы царской казны. В условиях феодализма богатые купеческие корпорации армян, обладавшие деньгами, имевшие налаженные связи во всем мире, располагавшие к тому же собственными вооруженными силами, своими кораблями и прочим, представляли реальную опору для центральной власти не только против внутреннего сепаратизма, но со временем и против внешней угрозы экономического и политического проникновения европейских колонизаторов, как это имело место в государстве великих моголов, в Голконде, в Пегу и других странах Востока.

Примером армянского самоуправления в странах Запада могут служить армянские общины Львова, Сучавы, Ясс, Каменца-Подольского и других городов. Так, во Львове армяне получили самоуправление в 1062 г. на основе обычной для тех времен дарственной грамоты. С тех пор на протяжении веков «приобретенные» права и привилегии армянской общины Львова многократно подтверждались польскими королями. Наряду со свободной торговлей, приобретением недвижимости и другими правами и привилегиями армянам гарантировалось самоуправление с руководством собственными законами—каноническим правом и национальными судебниками. В частности, Казимир III в 1344 и 1356 гг. подтвердил судебное самоуправление армянской общины. В XIV—XV вв. армянский суд, во главе которого стоял армянский войт, рассматривал все без исключения гражданские и уголовные дела, касавшиеся армян. В дальнейшем судебное самоуправление армян было частично ограничено. Декретом Казимира Великого от 10 апреля 1469 г. должность армянского войта была упразднена: дела решались по-прежнему на основе армянского права, но решал их городской войт вместе с армянскими старшинами. Ординация Сигизмунда I, изданная 2 марта 1510 г., отнесла к юрисдикции городского суда дела армян о недвижимом имуществе и дела об «убийствах, кровавых ранах и телесных повреждениях». При рассмотрении этой категории дел городской суд применял уже не армянское, а магдебургское право. В 1519 г. в результате спора армянской общины с органами управления Львова о применении армянского права Сигизмунд I переводит на латынь армянский судебник Мхитара Гоша и утверждает его под названием «Статуты львовских армян» („Statuta juris Armenici“) для руководства при разборе судебных дел между армянами или с армянами. Во второй половине XVI в. было составлено процессуальное дополнение статуты—«Порядок судов и дел армянского права». Дела стали решаться войтом коллегиально—с участием 12 или 6, но не меньше 4 заседателей из числа наиболее влиятельных и знающих свое право членов армянской общины, которые выполняли свои функции пожизненно. Решения суда скреплялись печатью со специальным гербом и надписью на армянском языке. Армянская община располагала даже

собственными средствами принуждения—тюрьмой, судебными приставами. Как отмечал Симеон Лехацци, армяне Львова в его время, в XVI—XVII вв., имели «свой отдельный суд и меч, которые наказывают и казнят армянских воров и разбойников, никто не имеет права судить армян, кроме армянских судей»⁵⁸. Армянская община Львова пользовалась судебным самоуправлением до 24 марта 1784 г., когда, в результате первого раздела Польши и присоединения Львова к Австрии, император Иосиф II провел реорганизацию львовского магистрата и передал ему все дела, которые до того рассматривались армянскими судами⁵⁹.

Характерным примером организации армянского самоуправления в странах Востока может служить община Новой Джуги, созданная шахом Аббасом путем насильственного переселения армян из Еревана, Нахичевана и Джуги в Персию и предоставленная им прав и привилегий. Армянская община Новой Джуги имела свою торговую палату, свой суд и своего предводителя—армянского *калантара*, которого иностранцы называли «бургомистром», «мэром» и «главным судьей армянской нации»⁶⁰. Он занимался гражданскими тяжбами армян Новой Джуги, к нему обращались по своим спорным делам и армянские купцы Джульфинской компании, действовавшие в Индии и других странах Востока. Современные им иностранные источники отмечают также, что армянские купцы в различных странах Востока широко пользовались «арбитражным судом собственной нации»⁶¹.

Автономное положение многих самоуправлявшихся общин в странах Востока, богатства армянского купечества, наличие в его распоряжении вооруженных сил на суше и на море и, наконец, особые взаимоотношения с правителями многих стран, основанные на совпадении интересов в совместной борьбе против европейского колониализма,

⁵⁸ Симеон Лехацци. Путевые заметки. Пер. с арм. М., 1965, с. 244.

⁵⁹ В. С. Кульчицкий. Армянский «Судебник» Гоша и его применение во Львове.—Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Киев, 1965, с. 147. О судьях—«армянских шалтузах (*շրտուղ*) со своими советниками»—см.: E. Hurmuzaki. Documente. V. XV, partea 2, № CCCCLXX, p. 257, № MCCCCXXXV, p. 727--728; N MDC XII, p. 784; N. Iorga. Studii și documente. V. VII, p. 379, d. 14, № 2; б. У. Պոդգրադսկայա. Մոլդավայի դադթօջախները և նրանց դերը առևտրական կապերի զարգացման գործում XVI—XVII դդ.—«Պատմա-րանսիրական հանդես», 1968, № 3, էջ 212—213. В. Р. Григорян. Об актовых книгах армянского суда г. Каменец-Подольска (XVI—XVII вв.).—Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964, с. 290.

⁶⁰ Jean de Thévenot. The Travels... into the Levant. London, 1687. T. III, p. 111; Jean Baptiste Tavernier. The Six Voyages... through Turkey, into Persia and the East Indies, for the Space of Forty Years... London. 1677. T. I, p. 19; Cornelis de Bruyn. Travels into Muscovy, Persia and Part of the East Indies. London, 1737, p. 225; Lettres édifiantes. T. III, p. 33.

⁶¹ „Arbitration of their own Nation“.—Records of Fort St George. Despatches to England. 1701—02 to 1710—11. Madras, 1929, p. 105.

позволяли армянам выступать в качестве отдельной «армянской нации», заключать от ее имени международные договоры, водить под ее флагом корабли и содержать свои вооруженные силы.

Подобно тому как это имело место в консульской практике Киликийской Армении, предводители-старейшины армянских самоуправлявшихся общин или их представители продолжали заниматься дипломатической деятельностью: поддерживали связи с послами иностранных государств, вели переговоры и заключали договоры с иностранными государствами. Например, представители армянской торговой общины Новой Джуги Степан Ромоданский и Григорий Лусиков вели в 1666 г. переговоры «по кумпанееву велению» с царем Алексеем Михайловичем о предоставлении армянам права транзитной торговли с Западной Европой по Каспийскому морю, Волге и далее через Архангельск морем, в результате которых 31 мая 1667 г. был заключен договор в виде «жалованной грамоты» армянской компании, которая была возобновлена 7 февраля 1673 г. Можно указать также на договор «армянской нации» с английской Ост-Индской компанией, заключенный 22 июня 1688 г. армянским калантаром.

Изучение исторического материала свидетельствует, что в силу специфического положения армянских общин их самоуправление, включая национальную судебную юрисдикцию, не представляло для стран, где они обосновывались, той угрозы, которую представлял для них режим консульских капитуляций в руках колониальных держав. Как известно, в эпоху колониализма режим консульских капитуляций на Востоке превратился в средство порабощения стран европейскими государствами и был отменен только под влиянием Октябрьской социалистической революции в результате национально-освободительного движения. Напротив, сила и ресурсы зарубежных армянских общин, как правило, были направлены против европейского колониализма и порабощения в совместной с народами Востока борьбе против общих врагов.

В заключение следует отметить, что армяне содействовали формированию и нормальному развитию консульских институтов не только своей практикой пассивного и активного консульского права, но и на консульской службе других государств. Подобно тому как они выступали в роли послов различных государств, армянские купцы нередко выступали в роли консулов иностранных государств, например Сиам в Индии⁶². Это, однако, составляет особую тему.

⁶² М. J. Seth. Armenians in India. Calcutta, 1937, p. 529, note.

ՀՅՈՒՊԱՏՈՍԱԿԱՆ ՀԱՍՏԱՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

ՏՈՒ Գ. ԲԱՐՍԵՂՈՎ (Մոսկվա)

(Ա մ փ ո փ ո մ)

Հայկական պետությունը և հատկապես Կիլիկյան Հայաստանը ակտիվորեն մասնակցել են Հյուպատոսական հաստատությունների ձևավորմանը: Այդ հարցում Հայաստանի դերի բացահայտումը հետաքրքրություն է ներկայացնում ոչ միայն միջազգային իրավունքի պատմության, այլև հենց իր՝ Հայաստանի միջազգային հարաբերությունների պատմության համար: Հայաստանի պրակտիկան հնարավորություն է տալիս հետևելու Հյուպատոսական հաստատությունների էվոլյուցիային սկսած առավել նախնական ձևերից (ընտրովի Հյուպատոսներով) մինչև բարձրագույն աստիճանը, երբ Հյուպատոսները նշանակվում էին պետության կողմից և հաշվետու էին նրան: Զարգացման ուսումնասիրվող փուլում Հյուպատոսական հաստատությունների գործունեությունը կապված էր դիվանագիտական ներկայացուցչության հետ: Հյուպատոսների գործունեությունը, որ բավական բազմազան էր, նպատակ ուներ զարգացնելու միջազգային առևտուրն ու նավագնացությունը: Թեև ձևականորեն Հյուպատոսական հաստատությունները ստեղծվում էին հայ թագավորների շնորհագրերի հիման վրա, սակայն պայմանավորված էին փոխադարձությամբ: Օտարերկրացիներին արտոնություններ տալով, նրանց համար ինքնավարության պայմաններ սահմանելով և նպաստելով իր մոտ տարրեր պետությունների՝ միջազգային հարաբերությունների պատմության մեջ առաջին Հյուպատոսական հաստատությունների ստեղծմանը, հայկական պետությունը այդ երկրներում նույնանման պայմաններ էր ապահովում իր առևտրականների և ծովագնացների համար: Արտասահմանյան երկրներում հայկական Հյուպատոսական հաստատությունների ծագման և գործունեության մասին կարելի է դատել օտարերկրյա արխիվների որոշ պահպանված փաստաթղթերի, հայկական աղբյուրների թեև ցար ու ցարիվ, բայց բազմաթիվ տվյալների հիման վրա. ինչպես նաև Կիլիկիայի հայկական պետության Հյուպատոսական հաստատությունների օրինակով հետազայում ստեղծված հայկական ինքնավարական հաստատությունների վրա հետադարձ հայացք նետելու ճանապարհով: Որոշ օժանդակ դեր է կատարում նաև նույն ժամանակներում Հայաստանում գոյություն ունեցած օտարերկրյա Հյուպատոսությունների հետ դուզահաններ անցկացնելը: Մասնավորապես, պարզված է երուսաղեմի թագավորության հայ Հյուպատոսի անունը (1248 թ.), հաստատված է, որ Կոստանդնուպոլսում Վենետիկի պալլը կատարում էր նաև հայ Հյուպատոսի պարտականությունները և այլն: Հայաստանում օտարերկրյա և արտասահմանում հայ Հյուպատոսների գործունեության համեմատական վերլուծությունը բացահայտում է նրանց կատարած ստանդարտ, դատական և քաղաքական ֆունկցիաների համանմանությունը: Օտարերկրյա զավթիչների կողմից հայկական պետականության վերացումից հետո հայ վաճառականությունը, զրկված լինելով հարադատ պետության օժանդակությունից, կարողանում է կազմակերպել ողջ աշխարհն ընդգրկող ինքնավար առևտրական համայնքների մի ցանց՝ նոր պայմաններում Հյուպատոսական հաստատությունների գործունեությունը հարմարեցնելով իր կարիքներին և դրա շնորհիվ պահպանում է իր տեղն ու դերը Արևմուտքի և Արևելքի միջև կատարվող համաշխարհային առևտրի մեջ: